

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«РУНЫ ЛЮБВИ»

Наталья Косухина
«Синий, хвостатый,
влюбленный»
«Пятьдесят оттенков синего»
«Корпорация Лемнискату.
И начнется отсчет»
«Корпорация Лемнискату.
И каждый день за веком век»	Галина Манукян
«Ученица чародея»
Елена Литвиненко
«Кукла советника»
Елена Малиновская
«Любовь без права выбора»
Ксения Баштовая
«Проклятые огнем»
«Дорогу осилит идущий»	Алиса Одинцова
«Начальник для чародейки»
Надежда Мамаева
«У волшебства запах корицы»
Ольга Громыко, Андрей Уланов
«Плюс на минус»	Мария Боталова
«В оковах льда»
Мария Боталова, Екатерина Флат
«Академия попаданцев»	Александра Салиева
«Прокляты и забыты»
Варя Медная
«Паук приглашает на танец»	Ольга Мигель
«Принц на белом кальмаре»
Мария Сакрытина
«Я клянусь тебе в вечной
верности»	Марина Дробкова
«Маг моего сердца»
Ольга Пашнина
«Осторожно, ведьма!»	Дана Арнаутова
«Страж морского принца»
Терри Лу
«Под крылом дракона»	Аня Сокол
«На неведомых тропинках.
Шаг в темноту»
Екатерина Флат
«Его Тьма»	Евгения Петроченко
В летописях не значится

Л ЕВГЕНИЯ
ПЕТРОЧЕНКО

❧
В ЛЕТОПИСЯХ
НЕ ЗНАЧИТСЯ
❧

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ0

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Петроченко, Евгения.

ПЗ0 В летописях не значится : [роман] / Евгения Петроченко. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-096921-0

Смешанные земли радушно принимают и эльфов, и демонов, и людей, и гномов, и даже троллей. Разве что пространственных магов они еще не видали, но это недоразумение можно легко исправить. Саша поступает в Академию Магии, но не спешит раскрывать инкогнито, ведь у нее есть цель, рядом с которой меркнут любые развлечения неугомонных адептов. А то, что ради ее достижения придется наказать демона, запутать магистра некромантии, днем и ночью корпеть над летописями и влюбиться по уши, — это всего лишь допустимый ущерб.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096921-0

© Е. Петроченко, 2016
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

*Посвящается моим дорогим родителям,
Светлане и Александру,
которые бесконечно в меня верят,
и той, которая живет
лишь на этих страницах*

1

Хлопковая поверхность простыни еле ощутимо пахла стиральным порошком, но постепенно этот запах угасал, приглушался, пропитываясь липким потом и солеными слезами. Я сползла с подушки и, свернувшись калачиком, уткнулась в мокрую ткань, не в силах держать эмоции в себе, проливая их на безжизненную материю.

Боль не уходила, и я знала, что она не уйдет. Это только начало. Мне придется учиться жить с этой горечью, с этим осознанием собственного абсолютного бессилия.

Истеричные рыдания медленно сходили на нет, но блаженная пустота внутри не появлялась. Я привыкла, что все проблемы можно если не решить слезами, то хотя бы поумерить накал эмоций. Но это был не тот случай, и женская слабость не приносила облегчения.

Когда вся влага из моих глаз полностью пропитала верх ночной рубашки и простыню, я сделала то, к чему зарекалась прибегать, воззвала к тому, кто в моих системе ценностей и мировоззрении не существовал.

— Боженька, — это детское обращение я применяла, когда маленькая подходила с подружкой к иконе

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОЧЕНКО

и умоляла, чтобы меня оставили в гостях на ночевку, вопреки воле родителей. — Боженька, я давно уже ничего у тебя не просила, но, пожалуйста, пусть она выздоровеет. Я сделаю все, что ты захочешь, абсолютно все. Забери сколько хочешь лет моей жизни, забери всю мою жизнь, но пусть она будет здорова. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Я, словно безумная, раз за разом обращалась к нему, умоляла его, обещала все, что у меня есть, но, как и у миллионов людей, моя мольба оставалась без ответа. Я разом вспомнила, что не ходила в церковь уже лет десять, что не единожды презрительно высказывалась обо всех верующих, что была уверена, что только я хозяйка своей судьбы и никто, абсолютно никто меня не переубедит в моем мнении. Каждый диалог, каждая вздорная фраза камнем падали мне на сердце, придавливая все ближе к земле, заставляя задыхаться от невозможности забрать свои слова назад.

— Ты же знаешь, я не хотела, я не со зла, — я шептала это одними губами, как заклинание, прижимаясь щекой к мокрой ткани и вглядываясь в темноту. — Прости меня, пожалуйста, прости меня, Боженька.

Иногда я замирала и слушала темноту, не надеясь получить ответ от Него, а иногда пытаюсь понять, мерещатся ли мне тихие рыдания или нет. Я боялась, что мама тоже плачет, я мечтала, чтобы хоть она чувствовала себя сейчас немногим лучше, но вынужденно признавала, что, пожалуй, моя боль все же должна уступать ее материнской боли.

Сегодняшний день однозначно будет самым худшим днем моей жизни. И едва появилась эта мысль, как пришло осознание — нет, не будет. Каждый день впереди будет мучением, и однажды все же наступит момент, когда все предыдущее просто померкнет, и тогда я узнаю, что же такое настоящая боль. Сегодня же так, первая ступень, день, когда я не смогла сдержать

В ЛЕТОПИСЯХ НЕ ЗНАЧИТСЯ

чувств от получения ужасающих результатов анализов моей сестры, дальше же мне придется забыть о своем «я» и полностью сосредоточиться на том, чтобы последние пару недель ее жизни не были омрачены печальными лицами. Я должна поддерживать ее и маму, я должна не давать воли глупым слезам у них на виду, я должна стать настолько сильной, какой никогда не была прежде. Моя боль — это ничто, мои чувства не имеют значения, есть только она, моя дорогая, и я не могу ее спасти. Поэтому я должна полностью забыть о себе и оставить горестные чувства в этой ночи, полной непроглядной тьмы и отчаянной мольбы.

Я искала забытья во сне, но события пережитого дня вначале не давали сомкнуть глаз, а после стали повторяться, изменяться, взывая к памяти и оживляя лица моих родных, особенно Оксаны. Ее бледное лицо после выхода от врача, ее глаза, полные непонимания и невозможности принять такую реальность, ее слезы, застывшие в самых уголках глаз.

Я силилась проснуться, я не хотела проходить через это еще раз, я мечтала стереть это из памяти, но мозг не желал отпускать эти образы.

Под утро псевдореальные события ушли из сна, уступив место настоящему кошмару.

Я возвращалась домой с работы. Входная дверь была распахнута, на месте перед гаражом стояла папина машина. Сумах, росший возле дома уже около десяти лет, приветливо шуршал красно-зелеными листьями, выдавая приближение настоящих осенних холодов.

Толкнув калитку, я пересекла двор, затем вошла в дом, позвала маму, потом папу, потом Оксану. Никто не откликнулся, и я обошла дом, направляясь к небольшому огороду, расположившемуся позади. Но до него дойти не успела, замерев на асфальтированном участке перед ним.

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОЧЕНКО

Все мои любимые были там, и все они были мертвы. Откуда-то пришла мысль, как это обычно бывает во снах, без каких-либо объяснений, что на них напали грабители и именно они сделали это с моей семьей. Я не видела крови, пулевых ранений или чего-то подобного, но я знала, что их больше нет и что я осталась одна в этом мире.

Это осознание накатило так резко, словно удар током, и все мои мысли перед сном возвратились сокрушительной волной. Боль, которой не должно быть во сне, отчаяние, которое захватило не только сердце, но и разум. Я поняла, что не хочу оставаться в таком мире и одновременно ощутила полный контроль над этой ситуацией и своим телом. Все было словно подернуто дымкой, оставалось смутным, переменчивым, но разум проснулся, силясь освободить меня от разъедающих душу эмоций. Кажется, это называется «управление сном» или что-то в этом роде, но, несмотря на полное осознание нереальности ситуации и своего присутствия в несуществующем мире, в своем собственном подсознании, мне не хотелось здесь больше оставаться. Боль была настоящей, многократно усиленной от потери близких людей, и она не поддавалась контролю разума.

Я должна была отсюда уйти, любым способом, а мне был известен только один выход, как можно покинуть какой-либо мир, — умереть.

Я вернулась в дом, не чувствуя своих ног, словно скользя над землей, движимая только своим сознанием, вошла на кухню, дотянулась до верхнего шкафчика. Коробка с лекарствами была там же, где и в реальности, но надписи на упаковках не читались, зато сами по себе вспыхивали в голове, стоило мне взять тот или иной пузырек или мерцающую алюминиевым блеском пластинку. Найдя нужное, но не зная его названия, просто каким-то чутьем определив, что этот

В ЛЕТОПИСЯХ НЕ ЗНАЧИТСЯ

пузырек — именно то, что я искала, я выложила таблетки на ладонь и разом проглотила.

Ничего не происходило, и я опустила на пол, прижавшись спиной к твердой дверце кухонного шкафчика. Я интуитивно знала, что нужно подождать, пока таблетки подействуют в этом неожиданно ставшем реальным сне, но терпение было на исходе, и я как заведенная все сыпала и сыпала их на ладонь, отправляя затем в рот. Эти механические действия помогали отвлечься от все нарастающей боли в груди, а комок в горле был практически физически ощутим.

Постепенно сознание начало затухать, отправляя меня в легкую дремоту, а после погружая в долгожданное забытие.

Резкое, пронзительное ощущение холода накатило на меня в самом буквальном смысле. Я почувствовала, что задыхаюсь, что легкие наполняются ледяной водой, а меня все тянет и тянет вниз. Мыслей не было, разум передал управление рефлексам, моему внутреннему автопилоту, и я инстинктивно забарахталась, стремясь выплыть из глубины, двигаясь в направлении, противоположном силе тяжести. Холод влиял на меня странно, одновременно парализуя мысли и заставляя действовать единственно верным способом — не открывать глаза, чтобы не вводить в ступор еще один орган чувств, и двигаться вверх.

Мне казалось, что время движется невероятно медленно, но на самом деле хватило нескольких секунд и неожиданно сильных рывков, полных доселе не ощущаемым мной несгибаемым стремлением к жизни, чтобы оказаться на поверхности. Я глотнула воздуха, разрывая легкие, которые саднили от солевой воды, и закашлялась, вновь уйдя под воду. Но вынырнув вновь, все же открыла глаза и увидела вокруг

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОЧЕНКО

себя бесконечную синюю гладь моря и чистейшее аквамариновое небо. От шока я не могла думать, лишь замерла в ужасе и непонимании и снова скрылась в толще воды, теряя сознание.

Второе пробуждение произошло так же внезапно, как и первое. Я резко дернулась, взмахнула руками в мощном гребке, готовясь вновь что есть силы стремиться вверх, но рука ударилась о спинку кровати, заставив зашипеть от боли, током пробежавшей вдоль плеча, заставляя открыть глаза, чтобы увидеть перед собой лишь глухую тьму. Я снова закашлялась, выплевывая воду, чувствуя, что вместе с ней скоро выплону и свои легкие. Горло изнутри словно терли наждачкой, давая волю чьим-то садистским наклонностям, а меня скручивало и выворачивало наизнанку.

Неожиданно раздался стук в стену и обеспокоенный голос мамы:

— Саша, что случилось?

Я на автомате выдумала оправдание, даже не осознавая, насколько нелепо оно звучит посреди ночи:

— Ничего страшного, мам, подавилась просто.

Но мама, видимо, сама была не в себе от переживаний и, вместо обычной дотошной заботы о моем здоровье, лишь немного раздраженно прикрикнула:

— Будь осторожней!

Я почувствовала укол вины. Наверное, она спала, а я своим кашлем ее разбудила, вернув из блаженной пустоты.

Отработанным годами движением я протянула правую руку, нащупывая на стене выключатель, чтобы потом, увидев свою комнату в тусклом свете ночника, вновь ощутить приступ шока.

Вокруг меня по кровати расплзлось мокрое пятно, которое никак не могло образоваться от одних только слез. И даже мелькнувшая стыдная мысль, что

В ЛЕТОПИСЯХ НЕ ЗНАЧИТСЯ

это то же, что со мной нередко приключалось по ночам в раннем детстве, так же быстро и исчезла. Я далеко не слон, что можно было бы ожидать при взгляде на размер пятна. Тихий стук капель оповестил меня о том, что пятно не ограничилось только кроватью и теперь вода стекает на пол.

Вся моя ночная рубашка была насквозь мокрой, волосы свисали холодными противными сосульками, саднящее ощущение в горле никак не проходило.

Все произошедшее совершенно не могло быть реальным, но тем не менее неопровержимые доказательства случившегося были передо мной, подо мной и на мне.

Пару минут назад я была где угодно, только не в своей постели.

Я встала с кровати на трясущихся негнущихся ногах и достала из прикроватного столика легкую пижаму, положив на видное место. Затем тихонько вышла из комнаты и прошмыгнула в ванную, где взяла пару махровых полотенец. Вернувшись, принялась вытирать сначала себя, а затем и пол, словно это самое обыденное действие — прятать соленую морскую воду с теплого ламината в пушистое полотенце, а затем тихонько выжимать его в раковину.

Постельное белье я просто скомкала и закинула в ведро под ванной, отодвинув как можно дальше к стене и решив, что утром обязательно простирну, пока мама не видит. Стоило вспомнить о ней, как внутри снова кольнуло и боль нахлынула с новой силой вместе с воспоминаниями о прошедшем дне.

Но я отогнала эти мысли, благо теперь было чем. Мягкий плед, расстеленный поверх толстого ворса ковра, приютил мое окоченевшее тело. Стоило голове коснуться теплой поверхности, как мысли стали быстро тускнеть, а потом и вовсе пропали. Я наконец-то по-настоящему уснула.

Утро встретило меня ломотой во всем теле и болезненным горлом. Первые слова выходили беззвучными, затем получилось хриплое карканье, но после пары кружек горячего чая мне удалось извлечь из своего горла хоть что-то членораздельное. Получив возможность говорить, я даже не обрадовалась. Атмосфера в доме была похоронная.

Когда муж привез сестру к нам домой, мама отвлеклась, а я получила возможность постирать белье без какого-либо надзора. Оно пахло сыростью и на вкус было горько-соленым, и я вновь осознала, что ночью произошло что-то невероятное.

Я мало говорила, хотя, казалось бы, должна пить эти последние минуты и часы с сестрой как амброзию, захлебываясь и моля о добавке, не отвлекаясь ни на что еще, но вопреки всему мне хотелось отвлечься. Мне опять хотелось быть где угодно, только не в этой комнате, чтобы не видеть несчастных и печальных глаз любимых людей.

Я вновь и вновь возвращалась мысленно к произошедшему. Как так получилось? Я вспомнила сон, который предшествовал тому, как я оказалась тонущей в бескрайнем океане. Он был практически реален, но тем не менее не оставалось сомнений, что мои осознанные действия в нем были всего лишь олицетворенными мыслями. Зато море, или океан, было абсолютно реально. При воспоминании о нем холод вновь пробирал до костей, а спазм сжимал горло.

Получалось, что я, если все еще пребываю в своем уме и не свихнулась от горя, а такой вариант определенно не стоило сбрасывать со счетов, каким-то образом переместилась в другое место. Я не хотела быть в том сне, и мое желание осуществилось. Это телепортация? Или я обменялась телом с кем-то

В ЛЕТОПИСЯХ НЕ ЗНАЧИТСЯ

утопающим? Что это вообще было? И как такое возможно?

Мысли двигались по замкнутому кругу, не находя логического объяснения, а нелогических, на грани фантастики, была масса. Не получилось прийти к единому выводу, но зато одно я поняла совершенно точно — это произошло. Чем бы это ни было, это случилось, и мне стоит только смириться с невероятным, даже если я не найду ему объяснения.

Поздней ночью, когда все вновь разошлись по своим комнатам, я достала старый учебник географии, сохранившийся еще со школьных времен, надела джинсы и футболку и уселась на пол, чтобы ничего не замочить в удачном случае (или неудачном, это смотря с какой стороны посмотреть). Затем подумала и перенесла настольную лампу поближе к себе, вытянув шнур на максимальную длину.

Небольшой кружок света охватывал только меня и раскрытый на коленях учебник, погружая окружающее пространство во тьму. Я открыла страницу с фотографией Парижа и уставилась на нее, пытаюсь вспомнить те самые ощущения из сна. Я представляла себя там, воображала неровные камни мостовой под ногами, ночной прохладный воздух, огоньки Эйфелевой башни вдали.

Спустя долгое время гипнотизирования страницы, я поискала другое изображение. А потом еще. И еще.

Мои попытки оказаться в любом месте из изображенных на страницах не увенчались успехом. Я даже попыталась представить себя на своей собственной кухне, но все равно не сдвинулась с места.

В конце концов мне это надоело. Либо у меня получается перемещаться лишь во сне или исключительно после особо жутких кошмаров. Либо — а такую возможность все же не следовало так быстро отметить —

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОЧЕНКО

мне все же померещилось произошедшее, а у воды, неожиданно оказавшейся в моей комнате, есть иное объяснение, недоступное моей, казалось бы, весьма богатой фантазии.

Переодевшись в пижаму, я легла спать, запретив себе маяться глупостями. Сон все никак не шел, я перебирала в голове странные события прошлой ночи, и какая-то трусливая часть меня радовалась, что есть что-то еще, способное увлечь мои мысли от реальности.

Я закрыла глаза, вспоминая тот сон. Ощущение, что все самое худшее, что я только могла придумать, произошло. Ощущение, что я не хочу быть здесь. Ощущение, что я не хочу иметь вообще никакого отношения к своей жизни в этом самом месте. Ощущение, что жизнь по капле уходит из тела, погружая в какое-то странное забвение, сродни обескровливанию, только в моем случае — отсутствию жизни.

Это ощущение было настолько реальным, настолько естественным, что я позволила ему повториться вновь.

Вдох — и я лежу на чем-то жестком, больно впивающимся в оголенные лопатки.

Я открыла глаза, увидела над собой голубое небо и ошарашенно замерла. У меня получилось!

Ликование затопило сознание, и я даже некоторое время не чувствовала боли от камней под спиной. Затем ощущения вернулись, и я недовольно поежилась, скосив глаза вбок. И правда камни. Крупные, покатые, они покрывали весь морской берег, упираясь в небольшой пологий холм, практически полностью каменистый с редкими вкраплениями желто-зеленой травы.

Было неожиданно тепло, и я рискнула опустить с камня ноги в воду. А вот она оказалась холодной. Мурашки пробежали по всему телу воспоминанием

В ЛЕТОПИСЯХ НЕ ЗНАЧИТСЯ

о ледяном сердце моря, и я резко отдернула ногу. Не знаю, как меня опять занесло к воде, но мне жутко повезло, что та сверхъестественная сила, которая вновь помогла мне убежать из дома, не окунула меня в глупину для бодрости духа.

Я вытянула ноги. Вроде обычные. Вроде мои. Затем взгляд переместился выше, на бело-голубые клетчатые шортики от летней пижамы, а потом я и вовсе догадалась зацепить рукой прядь волос, которые так же, как и на протяжении всей моей жизни, были русо-золотистыми. Жаль, рядом не оказалось зеркала, но что-то подсказывало, что я — это я и теория про обмен телами останется без доказательств. Ну и ладно, я не в обиде.

Поднявшись на ноги и расправив руки, словно крылья, я что есть мочи крикнула «э-ге-гей!», то ли пытаюсь найти кого живого, то ли, напротив, желая удостовериться, что я здесь совершенно одна. Все-таки мой внешний вид не располагал к общению с аборигенами.

Послышался плеск. Я сразу же пожалела о своем желании с кем-либо пообщаться, потому что если я и ожидала общения, то определенно с суши, а не с моря.

В ответ на мои опасения в паре десятков метров от меня вода пошла рябью, затем мелкими волнами, которые становились все больше и больше. А потом из глубины стало появляться нечто большое, серо-зеленое и шарообразное. Вначале это нечто внушало страх лишь размерами, а затем из воды показалась гигантская, в два моих роста, усеянная мелкими зубами пасть.

Не успела я даже сообразить спрыгнуть с камня и попытаться убежать вглубь суши, как чудовище в мгновение ока оказалось передо мной, раззявив рот еще сильнее, хотя, казалось бы, это было невозможно.